

Дж. М. Кейнс
КОНЕЦ LAISSEZ - FAIRE¹

Взгляд на общественные дела, который принято называть индивидуализмом и *laissez-faire*, формировался из многочисленных и разнообразных течений мысли и эмоциональных источников. На протяжении более чем столетнего периода философы владели нашими умами, поскольку каким-то чудом почти все они были согласны (или казалось, что были согласны) с идеями *laissez-faire*. Во многом ситуация осталась прежней. Но перемены витают в воздухе. Теперь мы, хотя и смутно, различаем наиболее отчетливые голоса, которые когда-либо задавали направление политике. Многоголосие оркестра, звуки разных инструментов и хора наконец отступают на второй план.

В конце семнадцатого века божественное право монархов уступило место естественной свободе и договорным отношениям в обществе, а божественное право церкви - принципам терпимости и взгляду на церковь как на добровольное сообщество людей, объединяющихся на "абсолютно свободных и спонтанных" началах². Пятьдесятю годами позже на смену божественной природе и требованиям долга пришла оценка пользы. Локк и Юм сделали эти доктрины основой Индивидуализма. Договорные основы общественной организации подразумевали права индивида; новая этика, которая была не более чем научным исследованием последствий разумного эгоизма, сделала индивида центральной фигурой. "Единственное, чего требует Добродетель, - говорил Юм, - это Расчет и устойчивое стремление к большому счастью"³. Эти идеи согласовывались с почерпнутым из практики мировоззрением консерваторов и законодателей. Они дали достаточные интеллектуальные обоснования праву собственности, а также свободе индивида распоряжаться собой и своей собственностью. Это явилось вкладом восемнадцатого века в ту общественную атмосферу, которой мы дышим до сих пор.

¹ Этот очерк-памфлет, опубликованный издательством "Хогарт пресс" в июле 1926 г., основан на двух лекциях Кейнса, одна из которых была прочитана им в Оксфорде в ноябре 1924 г., другая - в университете Берлина в июне 1926 г.

² Lock. A Letter Concerning Toleration.

³ An Enquiry Concerning the Principles of Morals. Section LX.

Истинной целью выдвижения индивида на первый план было умаление роли монархии и церкви. Результатом же явилось обоснование собственности и исконного права; и этот результат был достигнут с помощью новой этики, придавшей большее значение договорным основам общественных отношений. Но вскоре снова зазвучали голоса против индивидуализма. Пале и Бентам приняли утилитаристский гедонизм⁴ из рук Юма и его предшественников, обогатив эту доктрину понятием общественной пользы. Руссо заимствовал понятие Общественного Договора у Локка и вывел из него понятие Общей Воли. В обоих случаях переход был сделан путем придания нового значения равенству. "Локк обращается к понятию Общественного Договора, чтобы, в интересах общей безопасности, подправить представление о естественном человеческом равенстве, однако лишь в той мере, в какой оно означает равенство прав собственности или даже привилегий. У Руссо равенство является не только исходным пунктом, но и конечной целью"⁵.

Пале и Бентам пришли к тем же выводам, но другим путем. Пале сумел не допустить логического перерастания его гедонизма в эгоизм, обратившись к Верховной силе. "Добродетель, - говорил он, - это добро, творимое во имя общества, совершаемое в послушании воле Божьей ради вечного счастья". Таким образом, понятия "Я" и "*другие*" снова уравнивались. Бентам пришел к такому же результату путем рассуждений с позиций чистого разума. Он утверждал, что нет никаких рациональных оснований для того, чтобы предпочесть счастье данного индивида, даже свое собственное, счастью любого другого человека. Следовательно, наибольшее счастье наибольшего числа людей представлялось ему единственной рациональной целью поведения, при этом пользу он понимал по Юму, отказавшись, однако, от такого циничного вывода этого мудрого человека, как этот: "Нет ничего противного разуму в том, что я не пошевелю пальцем, чтобы спасти от разрушения целый мир. Нет ничего противного разуму и в том, что я предпочту свой полный крах, чтобы избавить от малейшего неудобства какого-либо индейца или человека мне вовсе незнакомого... Разумное является и должно быть рабом страстей, и ни в коем случае не должно претендовать ни на что, кроме как служить и подчиняться ему".

⁴ "Я совершенно пренебрегаю, - говорит А. Пале, - обычной риторикой по поводу достоинств и возможностей человеческой природы, превосходства души над телом, рациональности над животной частью нашей конституции; по поводу достоинства, нравственной чистоты и утонченности удовлетворения одних потребностей и низменности, грубости и плотской природы Других, поскольку уверен, что эти радости жизни не отличаются друг от друга ничем, кроме своей продолжительности и силы" (Principles of Moral and Political Philosophy. Bk I. Chap. 6).

⁵ Stephen L. English Thought in the Eighteenth Century. II, 192.

Руссо выводил понятие равенства из природы, Пале - из воли Божьей, Бентам - из математического закона равнозначности. Так понятия равенства и альтруизма вошли в политическую философию, и соединение идей Руссо и Бентама дало начало как представлению о демократии, так и концепции утилитаристского социализма.

Это второе направление, берущее начало из давно умершей полемики и продолжающее свой путь благодаря давно развенчанной софистике, по-прежнему питает наши мысли. Но оно не вытеснило первого, а смешалось с ним. Начало девятнадцатого века явило удивительный союз. Наступила гармония между консервативным индивидуализмом Локка, Юма, Джонсона и Берка с социализмом и демократическим эгалитаризмом Руссо, Пале, Бентама и Годвина⁶.

Тем не менее гармонии этих противоположностей тогда едва ли удалось бы достичь, если бы не *экономисты*, которые выступили как раз в нужный момент. Идея божественной гармонии между частной выгодой и общественным благом просматривается уже у Пале. Но научные основы под эту догадку подвели именно экономисты. Предположим, что в результате действия естественных законов просвещенные и свободные индивиды, преследующие эгоистические цели, в то же время стремятся действовать и в общих интересах! Наши философские противоречия разрешаются, по крайней мере, для практиков, которые теперь направляют свои усилия на обеспечение условий, необходимых для свободы. Философская доктрина, логически отрицающая право правительства на какое-либо вмешательство, равно как и вера в то, что ни в каком вмешательстве нет необходимости, были дополнены научными доказательствами нецелесообразности такого вмешательства. Это третье направление мысли, обнаруживаемое у Адама Смита, который в целом был готов признать, что общественное благо зиждется на естественных усилиях каждого индивида, стремящегося улучшить свое собственное положение, не получило полного и самостоятельного развития до начала девятнадцатого века. Принцип *laissez-faire* был призван согласовывать индивидуализм и социализм и соединить в единое целое эгоизм Юма и идею наибольшего блага для наибольшего числа людей. По-

⁶ Годвин в своем понимании *laissez-faire* пошел так далеко, что считал злом *всякое* управление, в чем Бентам почти соглашался с ним. Доктрина равенства превращается у него в крайний индивидуализм, граничащий с анархией. "Универсальным проявлением личных взглядов, - говорит он, - является доктрина столь невыразимо прекрасная, что истинный политик наверняка ощутит бесконечное отвращение при мысли о том, чтобы противоречить ей" (См.: Stephen L. Op. cit. II, 277).

литический философ мог отступить, пропуская вперед делового человека с тем, чтобы последний мог добиться философского *summum bonum**, просто следуя соображениям частной выгоды.

Однако в пудинге все еще не хватало некоторых ингредиентов. Прежде всего коррупции и некомпетентности государственного управления восемнадцатого века, многие пережитки которых были унаследованы веком девятнадцатым. Индивидуализм политических философов указывал на *laissez-faire*. Гармония, божественная или научная (в зависимости от конкретного случая), между частной и общественной выгодой указывала на *laissez-faire*. Но, помимо всего прочего, несостоятельность людей, управлявших обществом, решительно настраивала практиков в пользу *laissez-faire* (это ощущение теперь, несомненно, исчезло). Почти все, что делалось государством в восемнадцатом веке сверх его минимальных функций, было или казалось вредным или неудачным.

С другой стороны, материальный прогресс в период между 1750 и 1850 годами был связан с частной инициативой и не имел ничего общего с направляющим влиянием организованного общества как единого целого. Таким образом, практический опыт усилил доводы, существовавшие *a priori*. Философы и экономисты говорили нам, что по различным глубоким причинам освобожденное от оков частное предпринимательство будет способствовать наибольшему всеобщему благу. Что в большей степени могло устраивать бизнес? И мог ли наблюдатель-практик, оглядываясь вокруг себя, отрицать то, что в основе улучшений, которые отличали его время, лежала "корыстная" деятельность индивидов? Это дало благодатную почву для доктрины, имеющей божественные, природные или научные основания, которая утверждала, что деятельность государства должна быть строго ограничена, а экономическая жизнь оставлена, насколько это возможно, вне регулирования и отдана на откуп здравому смыслу отдельных граждан, руководствующихся стремлением преуспеть в обществе.

К тому времени, когда влияние Пале и ему подобных пошло на убыль, открытия Дарвина потрясли основы веры. Ничто не могло казаться более противоречащим друг другу, чем старая и новая доктрины: доктрина, которая смотрела на мир как на создание божественного часовщика, и доктрина, которая, как казалось, выводила все из Случая, Хаоса и Прошлого. Но в одном новые идеи согласовывались со старыми. Экономисты учили, что богатство, торговля, машины - дети свободной конкуренции и что свободная конкуренция создала Лондон. Последователи Дарвина смогли пойти дальше и заявить, что свободная конкуренция создала человека. Человеческий глаз уже не представлялся свидетельством замысла, который чудес-

* высшее благо. - Прим. ред.

ным образом направлял все к лучшему. Улучшения оказывались высшим достижением случая, действующего в условиях свободной конкуренции и *laissez-faire*. Принцип выживания наиболее приспособленного можно было рассматривать как широкое обобщение рикардианской экономической теории. В свете этого более широкого синтеза проникновение социалистических идей оказывалось не просто нецелесообразным, а вредным, направленным против мощного поступательного развития того процесса, в результате которого мы сами поднялись, как Афродита из первобытной морской пучины.

Поэтому я связываю особую целостность повседневной политической философии девятнадцатого века с тем успехом, с которым она гармонизировала различные и противоборствующие школы, объединила их достижения. Юм и Пале, Берк и Руссо, Годвин и Мальтус, Кобетт и Хаскиссон, Бентам и Колеридж, Дарвин и Епископ Оксфордский - все они, как выяснилось, проповедовали примерно одно и то же: индивидуализм и *laissez-faire*. Последнее стало для Англии Церковью, ее апостолы - экономисты доказывали, что малейший шаг к потере благочестия означал финансовый крах.

Независимо от того, что нам известно по этому поводу, - а большинство в наши дни упадка остается в неведении, - именно этими причинами и этой атмосферой объясняется наше нынешнее пристрастие к *laissez-faire*, и столь сильное недоверие, которое во многих честных сердцах вызывают действия государства по регулированию стоимости денег, инвестиций или численности населения. Мы не читали работ этих авторов, но, если бы они попали к нам в руки, мы должны были бы считать их аргументы абсурдными. Тем не менее я полагаю, что нам не следует делать вид, как будто мы не заметили того, что в действительности писали Гоббс, Локк, Юм, Руссо, Пале, Адам Смит, Бентам и мисс Мартино. Изучение истории идей с необходимостью предшествует освобождению мысли. Я не знаю, от чего человек становится более консервативным - от того, что не знает ни о чем, кроме настоящего, или ни о чем, кроме прошлого.

II

Я говорил, что именно экономисты создали научную основу, позволившую практикам разрешить противоречие между эгоизмом и социализмом, противоречие, возникшее из философской мысли восемнадцатого века и заката богооткровенной религии. Но, говоря так для краткости, я спешу

сделать уточнение. Считается, что экономисты говорили именно так. Однако в трудах наиболее авторитетных ученых подобную доктрину обнаружить невозможно. Она присутствует у популяризаторов и вульгаризаторов. Утилитаристам, которые восприняли одновременно эгоизм Юма и эгалитаризм Бентама, *пришлось* поверить в нее, чтобы совершить этот синтез⁷. Язык экономистов располагал к интерпретациям в терминах *laissez-faire*. Но своей популярностью доктрина обязана не столько политэкономам, сколько политическим философам того времени, которых она очень устраивала. Максима *laissez-nous faire* традиционно приписывается купцу Лежандру, обращавшемуся к Кольберу где-то в конце семнадцатого века⁸. Однако нет никаких сомнений в том, что первым, кто написал эту фразу и отнес ее к соответствующей доктрине, был маркиз д'Арженсон, и это произошло в 1751 г.⁹ Маркиз был первым, кто яростно боролся за свободу торговли, доказывая ее экономические преимущества. Он говорил, что управлять лучше - значит управлять меньше¹⁰. Истинная причина упадка наших мануфактур, говорил он, состоит в протекционизме по отношению к ним¹¹. "Laissez-faire — таким должен быть девиз любой общественной власти с тех пор, как мир стал цивилизованным. О ненавистное нежелание достичь величия иначе, чем путем унижения соседей! Так удовлетворяются лишь коварство и злоба, это чуждо нашим интересам. Laissez faire, черт побери! Laissez faire!"¹²

⁷ Можно симпатизировать взглядам Колериджа, обобщенным Лесли Стефеном, который утверждал, что "утилитаристы разрушили все социальные связи, представляя общественную жизнь как борьбу эгоистических интересов, и тем самым нанесли удар по самым корням порядка, патриотизма, поэзии и религии".

⁸ "Que faut-il faire pour vous aider", - спросил Кольбер. "Nous laisser faire", - ответил Лежандр. ("Что нужно сделать, чтобы помочь вам?" - спросил Кольбер. "Позволить нам действовать самостоятельно", - ответил Лежандр.)

⁹ Историю этих слов смотри в работе Онкена "Die Maxim Laissez faire et laissez passer", из которой заимствована большая часть следующих цитат. Призывы маркиза д'Арженсона оставались незамеченными до тех пор, пока Онкен не привлек к ним внимание, возможно отчасти потому, что соответствующие пассажи при его жизни публиковались без подписи (*Journal Economique*. 1751), отчасти потому, что его работы не были изданы полностью (хотя, вероятно, при его жизни ходили по рукам) до 1858 г. (Mémoires et Journal inédit du Marquis d'Argenson).

¹⁰ "Pour gouverner mieux, il faudrait gouverner moins".

¹¹ "On ne peut dire autant de nos fabriques: la vraie cause de leur déclin, c'est la protection outrée qu'on leur accorde".

¹² "Laissez-faire, telle devrait être la devise de toute puissance publle, depuis que le mond est civilisé. Detestable principe que celui de ne vouloir grandeur que par Г abaissement de nos voisins! Il n'y a que la méchanceté et la malignité du coeur de satisfaites dans ce principe, et l'intérêt y est opposé. Laissez faire, morbleu! Laissez faire!"

Здесь мы имеем дело с экономической доктриной *laissez-faire*, наиболее ярко проявляющейся в требовании свободы торговли. Риторика и идеи такого рода с тех пор получили широкое распространение в Париже. Однако их утверждение в литературе происходило гораздо медленнее; и традиция, связывающая с ними физиократов, и особенно Гурнэ и Кенэ, не проявилась в произведениях представителей этой школы, хотя они, конечно, разделяли идею гармонии общественных и индивидуальных интересов. Фразу "*laissez-faire*" не найти в работах Адама Смита, Рикардо или Мальтуса. Даже формулировки самой идеи в сколько-нибудь категоричной форме у этих авторов нет. Адам Смит, конечно, был сторонником Свободной Торговли и возражал против многих рестрикций, ограничивавших торговлю в восемнадцатом веке. Но его отношение к Навигационным актам и к законам о ростовщичестве показывает, что он вовсе не был догматиком. Даже за его знаменитым пассажем о "невидимой руке" стоит скорее философия Пале, чем экономическая догма *laissez-faire*. Как подчеркивали Сиджвик и Клифф Лесли, Адам Смит выступал в защиту "очевидной и простой системы естественной свободы", опираясь скорее на теистическое и оптимистическое видение мирового порядка, как оно представлено в "Теории нравственных чувств", чем на любое из утверждений собственно политической экономики¹³. Я думаю, что словосочетание *laissez-faire* получило широкое хождение в Англии благодаря хорошо известному выражению д-ра Франклина¹⁴. Мы не обнаруживаем его в той форме, которая была знакома нашим дедам и которая согласовывалась с требованиями утилитаризма, - по крайней мере, до тех пор, пока мы не обращаемся к работам Бентама, который вовсе не был экономистом. Например, в "Учебнике политической экономики"¹⁵ он пишет: «Общее правило состоит в том, что государству не следует ничего делать или оно не должно пытаться ничего делать; девиз, или лозунг, которым должно руководствоваться правительство: "*быть незаметнее*"... Это требование, которое сельское хозяйство, промышленность и торговля предъявляют правительствам, представляется таким же скромным и разумным, как просьба Диогена к Александру: "Не заслоняй мне солнце"».

С тех пор на нем основывались и политическое движение за свободу торговли, и так называемая Манчестерская школа, и утилитаристы - после-

¹³ Sidgwick Cf. Principles of Political Economy. P. 20

¹⁴ Бентам использует выражение "*laissez-nous faire*" (Works. P. 440)

¹⁵ Написано в 1793 г., глава опубликована в *Bibliothèque Britannique* в 1798 г., полностью впервые напечатана в издании Боуринга (Works. 1843)

дователи Бентама, и второстепенные авторитеты в области экономики. Учебники мисс Мартино и миссис Марсе закрепили понятие *laissez-faire* в сознании людей в качестве практического вывода ортодоксальной политической экономии - с той огромной разницей, что тем временем этой школой были восприняты мальтузианские взгляды по вопросам народонаселения, а оптимистический взгляд на *laissez-faire*, характерный для второй половины восемнадцатого века, уступал место пессимистическому, свойственному веку девятнадцатому¹⁶.

В "Беседах о политической экономии" (1817), написанных миссис Марсе, Каролина отстаивает идею контроля доходов богатых. Она старается следовать ей как можно дольше, однако на странице 418 вынуждена признать свое поражение:

"КАРОЛИНА. Чем больше я узнаю о предмете, тем больше убеждаюсь в том, что интересы народов и интересы отдельных людей не так уж противоречат друг другу, они наилучшим образом согласуются.

МИССИС Б. Свободные и широкие взгляды всегда ведут к подобным заключениям и учат нас лелеять в душе чувства всеобщей благожелательности по отношению друг к другу; отсюда и превосходство науки над простым практическим знанием".

К 1850 г. в книге архиепископа Вейтли "Простые уроки на пользу молодым людям", широко распространявшейся Обществом пропаганды христианского знания, не допускается даже таких сомнений, которые миссис Б. изредка позволяет Каролине. Книжечка гласит: "От того, что государство вмешивается в осуществляемые людьми денежные сделки, выдает те или иные разрешения, заключает договоры аренды, продает или покупает что-либо, похоже, происходит больше вреда, чем пользы". Истинная свобода состоит в том, что "каждый человек должен свободно распоряжаться своей собственностью, своими временем и силами, навыками и знаниями, при условии, что он не приносит вреда своим соседям".

Короче говоря, догма оказалась задействованной образовательной машиной; максима приобрела хрестоматийный характер. Политическая философия, выкованная семнадцатым и восемнадцатым веками в борьбе против королей и прелатов, стала молоком для младенцев и буквально поселилась в детских.

¹⁶ Sidgnick Cf. Op. cit. P. 22: «Даже те экономисты, которые в целом разделяли мнение Адама Смита по поводу границ, в которых должно действовать государство, скорее с нежеланием, чем охотно, расширяли их; они вовсе не были поклонниками общественного порядка, вырастающего из "естественной свободы", но были убеждены в том, что он, по крайней мере, лучше любого искусственного порядка, которым правительство могло бы его заменить».

Наконец, в работах Бастиа мы встречаем наиболее экстравагантное и напыщенное выражение этой религии политэкономов. В своих "Экономических Гармониях" он писал:

"Я берусь показать Гармонию законов Провидения, которые управляют человеческим обществом. Эти законы гармоничны и не создают диссонанса потому, что все принципы, все побудительные мотивы действий, все интересы находятся во взаимодействии, направленном на получение конечного результата. И этот результат состоит в неограниченном приближении всех классов к некоему уровню, который постоянно повышается, т. е. он состоит в *уравнивании* отдельных людей в процессе общего *улучшения* жизни!"

И когда, подобно другим священникам, он формулирует свое *кredo*, оно звучит следующим образом:

"Я верю, что Тот, кто создал и упорядочил материальный мир, не уклонился и от устройства социальной жизни. Я верю, что он соединил и заставил двигаться в гармонии не только инертные молекулы, но и свободно действующих людей. Я верю в то, что существует неизменная тенденция к сближению моральных, интеллектуальных и физических качеств отдельных людей, к неуклонному возрастанию этого общего уровня. Я верю, что для последовательного и мирного развития человечества достаточно того, чтобы эти стремления не были нарушены и чтобы свобода действий не была уничтожена".

Со времен Джона Стюарта Милля влиятельные экономисты были настроены против такого рода идей. Как писал профессор Кэннан, "едва ли хоть один признанный английский экономист пойдет в лобовую атаку на социализм как таковой". При этом он добавляет: "почти каждый экономист, признанный или нет, всегда готов выискивать прорехи у социалистов"¹⁷. Экономисты не связаны более с теологией или политической философией, породившими идею социальной гармонии, и их научный анализ не ведет к подобным выводам.

Кэрнс во введении к своей лекции "Политическая экономия и *laissez-faire*", которую он прочитал в Университетском колледже в Лондоне в 1870 г., был, возможно, первым ортодоксальным экономистом, который пошел в лобовую атаку на принцип *laissez-faire*. "Максима *laissez-faire*, - заявил он, - не имеет под собой научных оснований, а представляет собой в лучшем случае просто удобное практическое руководство"¹⁸. Такими на протяжении

¹⁷ Theories of Production and Distribution. P. 494.

¹⁸ Кэрнс хорошо описал "преобладающее ощущение" в следующем фрагменте той же самой лекции: "Наиболее сильное ощущение состоит в том, что политическая экономия пытается показать, что богатство может распределяться наиболее быстро и правильно; что наиболее эффективным способом повышения благосостояния является простое предоставление людям свободы, которая позволит им действовать в соответствии с собственной выгодой, не будучи

последних пятидесяти лет были позиции всех ведущих экономистов. Например, некоторые из наиболее важных работ Альфреда Маршалла были направлены на разъяснение тех ситуаций, в которых частные и общественные интересы не совпадают. Тем не менее взвешенный и недогматический подход лучших экономистов до сих пор не преобладает над общим мнением, что основанный на индивидуализме принцип *laissez-faire* - это то, что следует прививать обществу и что ему, по существу, прививается.

III

Экономисты, как и другие ученые, выбрали гипотезу, от которой они отталкиваются и которую они предлагают начинающим как наиболее простую и наиболее близкую к действительности. Отчасти по этой причине, а отчасти, как мне кажется, под влиянием традиций исследования данного предмета, они исходили из предположения о том, что идеальное распределение производственных ресурсов может быть достигнуто лишь в условиях, когда индивиды действуют независимо, методом проб и ошибок таким образом, что в конкурентной борьбе побеждают те, кто выбрал правильную стратегию поведения. Это означает, что не должно быть ни пощады, ни защиты для тех, кто неверно приложил свой труд или капитал. Это способ для наиболее удачливых в деле получения прибыли оказаться наверху в результате жестокой конкурентной борьбы, это процесс отбора наиболее эффективных и банкротства менее эффективных. Здесь не принимаются во внимание издержки этой борьбы, говорится лишь о преимуществах конечного результата, которые, как считается, всегда имеют место. Если цель жизни - срывать листья с веток, находящихся как можно выше, то наилучший путь ее достижения - оставить одних лишь длинношеих жирафов; тех же, у кого шеи короче, обречь на голод.

Этому методу достижения идеального распределения орудий производства соответствует и метод идеального распределения предметов потребления. Прежде всего, каждый индивид определяет, какие из возможных предметов потребления *он* желает приобрести, действуя главным образом методом проб и ошибок в отношении предельных величин, и таким образом не только каждый потребитель достигнет наиболее предпочтительного

ограниченными государством или общественным мнением, до тех пор пока они воздерживаются от насилия и обмана. Эта доктрина широко известна под названием *laissez-faire*; и, я думаю, соответственно политическая экономия часто рассматривается как научное обоснование этой максимы - обоснование свободы предпринимательства, договорных общественных отношений как единственного решения всех экономических проблем".

потребления, но и каждый предмет потребления попадет в рот того потребителя, чье желание приобрести его наиболее сильно по сравнению с другими, потому что именно он готов заплатить за этот предмет больше других. Таким образом, если мы предоставим жирафов самим себе: 1) будет собрано максимальное количество листьев, потому что жирафы с самыми длинными шеями смогут подобраться к деревьям на самое близкое расстояние, при том, что другие останутся голодными; 2) каждый жираф будет набрасываться на наиболее сочные из доступных ему листьев; 3) жирафы, чье стремление съесть данный лист окажется сильнее, будут старательнее вытягивать шею. Таким образом, большее количество более сочных листьев будет проглочено, и каждый отдельный лист попадет в ту глотку, которая считает, что она заслужила этот лист своими усилиями.

Однако предположение, что ничем не ограниченный естественный отбор ведет к прогрессу, - лишь одно из двух, которые, будучи понятыми буквально, стали основой идеи *laissez-faire*. Другое предположение говорит об эффективности, а в действительности о необходимости обеспечения возможности для неограниченного частного обогащения как о стимуле для приложения максимальных усилий. В условиях *laissez-faire* растут прибыли тех, кто благодаря умению или удаче в нужное время помещает свои ресурсы в нужное место. Система, которая позволяет умелым и удачливым пожинать плоды этого, с очевидностью создаст огромный стимул для применения искусства оказываться в нужном месте в нужное время. Так, один из наиболее сильных мотивов, движущих человеком, а именно любовь к деньгам, служит тому, чтобы экономические ресурсы распределялись способом, наилучшим для приумножения богатства.

Теперь мы видим, - и это уже отмечалось, - что сходство между экономическим понятием *laissez-faire* и дарвинизмом, впервые выявленное Гербертом Спенсером, очень велико. Так же как Дарвин оперировал понятием половой любви, реализующейся через половой отбор, способствующей естественному отбору через конкуренцию и направляющей эволюцию в более эффективное и желательное русло, индивидуалист оперирует понятием любви к деньгам, реализующейся через погоню за прибылью, способствующей естественному отбору и приводящей к максимально возможному производству того, что наиболее желательно с точки зрения меновой стоимости.

Эта теория так красива и проста, что легко забыть, что она выводится не из реальных фактов, а из несовершенной гипотезы, выдвинутой ради простоты. Наряду с другими возражениями, о которых мы скажем позднее, важно отметить следующее. Вывод о том, что индивиды, действующие

независимо в своих собственных интересах, создают наибольшее совокупное богатство, держится на ряде нереалистических допущений, что процесс производства и потребления является органическим, что существует знание его будущих условий и потребностей и что существует возможность их предвидеть. Поскольку экономисты обычно лишь в последнюю очередь обсуждают возникающие в этой связи сложные вопросы, а именно: что происходит, 1) когда эффективные производственные единицы больше, чем эффективные единицы потребления; 2) когда имеют место накладные расходы; 3) когда отдельные хозяйственные единицы стремятся к объединению производства; 4) когда период адаптации продолжителен; 5) когда незнание преобладает над знанием и 6) когда монополии и объединения нарушают равенство при сделках, - можно сказать, что к анализу реальных фактов они также приступают лишь на последнем этапе. Более того, многие из тех, кто обнаруживает, что эта упрощенная гипотеза не вполне соответствует фактам, тем не менее утверждают, что она отражает "природу" и поэтому является "идеальной". Они рассматривают упрощенную гипотезу как нечто здоровое, а ее последующие усложнения — как болезненное.

Однако, помимо этого, существуют и другие, достаточно известные соображения, в связи с которыми следует учитывать издержки и характер конкурентной борьбы как таковой, а также то, что богатство распределяется отнюдь не лучшим образом. Даже если мы ставим во главу угла благосостояние жирафов, то мы не можем не замечать страданий тех, у кого шея короче, тех, кто изголодался, или сладких листьев, которые падают на землю и топчутся ногами, или обжорства длинношейх, или зловещего взгляда алчности, или воинствующей жадности, искажающей лица.

Но принципы *laissez-faire* снискали поддержку не только в учебниках по экономике. Нужно признать, что с ними были согласны серьезные мыслители и разумная общественность, поскольку предложения оппонентов были не лучшего свойства: протекционизм, с одной стороны, марксистский социализм, - с другой. Между тем для обеих доктрин характерны не только и не столько посягательства на общую установку о предпочтительности *laissez-faire*, сколько просто логические ошибки. Обе являют собой образцы скудости мысли, неспособности анализировать процесс, проследить его до конца. Хотя принципы *laissez-faire* и усиливают аргументацию против этих доктрин, без них в данном случае можно и обойтись. Одна из двух упомянутых доктрин - протекционизм, по крайней мере, правдоподобна, и причины ее популярности не вызывают вопросов. Но марксистский социализм в глазах историков общественной мысли будет всегда оставаться загадкой: как могло учение столь нелогичное и скучное

оказать такое мощное и длительное воздействие на умы людей и через них на события истории. Так или иначе очевидное научное несовершенство обеих школ во многом способствовало престижу и авторитету принципов *laissez-faire* девятнадцатого века.

Даже наиболее заметное воплощение социалистических идей в социальное действие крупного масштаба, которое дала последняя война, не вдохновило реформаторов и не рассеяло старомодных предрассудков. В самом деле, можно много сказать в поддержку обеих сторон. Приобретенный во время войны опыт организации обобщественного производства породил у некоторых очевидцев энтузиазм относительно его повторения в мирных условиях. Военный социализм, безусловно, позволил достичь производства богатства в таких крупных масштабах, каких никогда не удавалось добиться в мирное время (поскольку производившиеся товары и услуги хотя и предназначались для немедленного и бесплодного уничтожения, тем не менее являлись богатством). Однако растрата сил была чудовищной, а атмосфера расточительности была противна духу бережливости или расчетливости.

Несмотря на свои глубокие корни в политической и нравственной философии конца восемнадцатого и начала девятнадцатого веков, индивидуализм и *laissez-faire* не могли бы так влиять на общественную жизнь, если бы они не соответствовали нуждам и желаниям делового мира того времени. Они открывали широкий простор героическим бизнесменам нашего прошлого. "Как минимум половина лучших дарований Западного мира, - говорил Маршалл, - сосредоточена в бизнесе". Таким образом, находила применение значительная часть "полета воображения". С деятельностью именно этих людей были связаны наши надежды на прогресс.

"В умах людей, принадлежащих к этому классу, - писал Маршалл¹⁹, - происходит постоянная смена представлений о путях достижения цели; о трудностях, которые природа может создать им; о способах, которыми они могут взять верх в этом противостоянии. Это воображение вызывает мало доверия у обычных людей, поскольку ему не дают воли; его сила ограничена более сильной волей; и вершиной славы является достижение великих целей средствами настолько простыми и никому не ведомыми, что никто, кроме истинных знатоков, не сможет даже догадываться, почему именно этим средствам было отдано предпочтение по сравнению с десятком других способов достижения цели, хотя каждый из них, на первый взгляд, кажется блестящим. Творческая фантазия таких людей проявляется, как и фантазия шахматных гроссмейстеров, в предвидении тех препятствий, которые могут возникнуть на пути успешной реализации их далеко идущих планов и в постоянном отсеивании тех блестящих предложений, в отношении которых,

¹⁹ The Social Possibilities of Economic Chivalry // *Economic Journal*. XVII (1907). 9.

как им кажется, есть сомнения. Их огромная нервная энергия является полной противоположностью безволию, вызвавшему к жизни поверхностные утопические схемы, тому свойству человеческой природы, которое можно сравнить с самоуверенностью слабого игрока, быстро находящего решение наиболее сложным шахматным задачам при игре и черными, и белыми".

Это прекрасный портрет капитана промышленности, мастера-одиночки, который, как и любой художник, служа себе, служит и всем нам. Однако и его светлый образ меркнет. Мы все больше сомневаемся в том, что именно он приведет нас за руку в рай.

Все эти обстоятельства повлияли на формирование современных интеллектуальных пристрастий, на состояние умов, на нынешние общепринятые представления. Убедительность многих первоначальных аргументов иссякла, но, как это часто бывает, выводам предстояло жить еще долго. Призвать лондонский Сити к социальному действию во имя общественного блага - это все равно что шестьдесят лет назад обсуждать "*Происхождение видов*" с епископом. Первая реакция - реакция нравственная, а не умственная. Ортодоксия ставится под сомнение, и чем убедительнее аргументы, тем сильнее наносимое оскорбление. Однако, отважившись проникнуть в логово спящего монстра, я так или иначе рассмотрел его притязания и родословную, с тем чтобы показать, что он господствовал над нами скорее на основе наследственного права, чем благодаря личным заслугам.

IV

Проясним метафизические, или общие, принципы, на которых в разное время основывался принцип *laissez-faire*. Утверждение о том, что индивиды обладают исконной, "естественной свободой" хозяйственной деятельности, *не* соответствует действительности. *Не* существует "договорных" неотъемлемых вечных прав Владения и Приобретения. Властью, данной свыше, совпадение частных и общественных интересов *не* предусматривается. Управление "снизу" *не* обеспечивает их совпадения на практике. Было бы *неверным* считать, что просвещенный эгоизм обычно действует в общественных интересах; это ложный вывод из принципов экономики. *Неверно* также, что личная корысть обычно оказывается просвещенной; гораздо чаще индивиды, действующие самостоятельно во имя достижения своих собственных целей, слишком невежественны или слишком слабы, чтобы достичь даже их. Опыт *не* доказывает и того, что, объединяясь, эти индивиды всегда оказываются менее дальновидными, чем действуя по отдельности.

Поэтому мы не можем судить об этом абстрактно, а должны подойти к делу более детально, сосредоточив внимание на том, что Берк считал "одной из наиболее тонких проблем законодательства", - на проведении различия между теми функциями, которые Государство должно взять на себя, защищая общественные интересы, и теми, которые ему следует оставить на усмотрение отдельных людей, сведя к минимуму свое вмешательство²⁰. Нужно выделить вопросы, которые, пользуясь забытой, но удачной терминологией Бентама, можно назвать вопросами, относящимися и не относящимися к "Повестке дня", и сделать это необходимо, освободившись от предубеждений Бентама относительно "вообще бесполезной" и "вообще вредной"²¹ роли государственного вмешательства. Вероятно, главная задача экономистов сегодня - выявить те вопросы, которые входят в "Повестку дня" правительства и которые не должны туда входить; а общая задача политики - в рамках демократической организации общества найти те формы правления, которые позволят обеспечить реализацию этой "Повестки дня". Я проиллюстрирую свою мысль на двух примерах.

1) Мне думается, что во многих случаях идеальная мера контроля и организации находится где-то между индивидуумом и современным государством. Я утверждаю поэтому, что прогресс покоится на экономическом росте и на выделении внутри государства полуавтономных органов, каждый из которых, действуя в своей области, руководствовался бы исключительно своим пониманием общественного блага, а не мотивами частной выгоды, хотя до тех пор пока границы человеческого альтруизма не расширятся, придется оставить некоторый простор и для интересов отдельных групп, классов, профессий. Как правило, в установленных для них рамках эти органы должны пользоваться автономией, но в конечном счете подчиняться демократии в лице парламента.

Можно сказать, что я предлагаю возврат к средневековой концепции автономий. Но, по крайней мере, в Англии корпоративность никогда не теряла своего значения и поддержки общественных институтов. Легко привести примеры уже существующих автономий, которые действуют на подобных началах или близки к такому положению: университеты, власти Лондонского порта, возможно, даже железнодорожные компании. Подобное, несомненно, существует и в Германии.

Но еще больший интерес представляют акционерные общества, когда они достигают такого возраста и размеров, что их статус ближе к статусу

²⁰ Цитируется Мак-Куллохом в его "Principles of Political Economy".

²¹ "Manual of Political Economy" ("Учебник политической экономии") Бентама посмертно опубликован в издании Боуринга (1843).

общественных корпораций, чем частных предприятий. Один из наиболее интересных сдвигов последних лет, оставшийся, однако, незамеченным, состоит в том, что крупные предприятия сами стремятся к обобществлению. Это происходит по мере роста крупных институтов: железных дорог, предприятий городского хозяйства, а также крупных банков или страховых компаний, где акционеры почти совершенно отстранены от управления, в результате чего их непосредственная личная заинтересованность в увеличении прибыли отходит на второй план. На этой стадии менеджмент руководствуется скорее соображениями стабильности и репутации фирмы, чем стремлением максимизировать прибыли акционеров. Акционеры должны удовлетворяться приемлемыми дивидендами; но коль скоро это обеспечивается, непосредственная цель менеджмента часто состоит в том, чтобы избегать критики со стороны общества и клиентов концерна. Ведь именно крупные масштабы или полумонополистическое положение организации привлекают к ней внимание общества и делает ее уязвимой для публичной критики. По-видимому, ярким примером подобного рода может служить Банк Англии, который теоретически представляет собой неограниченную собственность частных лиц. Почти не будет преувеличением сказать, что в королевстве нет такой группы людей, о которых, определяя свою политику, управляющий Банка Англии думал бы меньше, чем о своих акционерах. Права последних во всем, что не касается оговоренных дивидендов, почти сошли на нет. Но это отчасти так и во многих других крупных организациях. С течением времени они обобществляются.

Нельзя сказать, чтобы это имело лишь положительные стороны. Те же самые причины способствуют консерватизму и загниванию предприятия. По существу, во многих подобных случаях мы уже сейчас видим множество недостатков, равно как и преимуществ государственного социализма. Я думаю, однако, что в этом состоит естественный ход эволюции. Ежечасно на одном участке за другим социализм теснит неограниченное господство частной выгоды. В то время как в целом борьба остается острой, на этих участках проблемы уже нет. Например, уже не стоит политический вопрос о национализации железных дорог, который считается, но в действительности вовсе не является важным, поскольку не имеет никакого отношения к реорганизации экономической жизни Великобритании.

Действительно, многие крупные предприятия, особенно предприятия коммунального хозяйства и другие виды бизнеса, предполагающие наличие основного капитала значительных размеров, по-прежнему должны быть полусоциалистическими. Нам следует использовать все выгоды, которые могут быть получены из естественных тенденций сегодняшнего дня, и, на-

верное, в этом случае нужно отдать предпочтение полуавтономным корпорациям, а не органам централизованного государственного управления, находящимся в прямом подчинении у государственных министров.

Я выступаю с критикой доктрины государственного социализма не потому, что он ставит альтруистические порывы человека на службу обществу, не только потому, что он противоположен *laissez-faire* и ограничивает естественное право человека стать миллионером, и не потому, что у него хватает смелости на дерзкие эксперименты. Напротив, я аплодирую всему этому. Я критикую его потому, что он не придает должного значения происходящему в реальной жизни; потому, что он лишь немногим отличается от дошедших до наших дней заплывшихся планов, призванных решать проблемы пятидесятилетней давности и основанных на превратном понимании того, что некто сказал сто лет тому назад. Государственный социализм девятнадцатого века, берущий начало у Бентама, равно как свободная конкуренция и пр., в известном смысле являются более или менее ясными версиями философии, которая лежит в основе индивидуализма девятнадцатого века. Обе концепции в равной мере концентрируют внимание на свободе, одна - в негативном смысле, чтобы не допустить ограничений существующих свобод, другая - в позитивном, чтобы разрушить естественные или созданные монополии. Они представляют собой различные реакции на одну и ту же интеллектуальную атмосферу.

2) Теперь я перехожу к рассмотрению критерия, в соответствии с которым следует формировать "Повестку дня", критерия, наиболее тесно связанного с вопросом о том, какие меры являются самыми неотложными и необходимыми в ближайшем будущем. Мы должны прежде всего определить, какие функции имеют *общественный*, а какие *индивидуальный* характер с точки зрения их практической реализации, техники дела. Наиболее важные пункты государственной "Повестки дня" должны быть связаны не с теми функциями, которые индивиды уже выполняют самостоятельно, а с теми, которые находятся вне сферы их деятельности и которые не может выполнить *никто*, кроме государства. Важно, чтобы правительство не выполняло, лучше или хуже, тех функций, которые и так выполняют индивиды, оно должно делать то, что сейчас не делается вообще.

В данном случае я не преследую цели разработать предложения для практической политики. Поэтому я остановлюсь лишь на тех вопросах, над которыми я размышлял более всего.

Многие из наибольших экономических зол нашего времени являются плодами риска, неопределенности и незнания. Поскольку отдельным индивидам, благодаря удаче или личным качествам, удастся извлечь выгоду из

неопределенности и незнания, поскольку большой бизнес - это всегда лотерея, возникает столь резкое неравенство в распределении богатства. Те же самые причины приводят к возникновению безработицы, к тому, что многие обоснованные экономические ожидания не оправдываются, эффективность и производство снижаются. Действия отдельных людей не могут улучшить ситуацию; некоторые из них бывают заинтересованы даже в ее ухудшении. Я верю в то, что лечение этих болезней отчасти может состоять в продуманном кредитно-денежном контроле, отчасти - в сборе и широком распространении информации, касающейся экономической ситуации, включая публикацию, при необходимости на основе соответствующего закона, полезной деловой информации. Эти меры могли бы направлять общество по разумному пути с помощью соответствующего органа, который действовал бы через множество лабиринтов частного бизнеса, не вредя при этом частной инициативе и предпринимательству. Если эти меры окажутся недостаточными, они тем не менее помогут расширить наши знания, с тем чтобы мы могли предпринять следующие шаги.

Второй пример, который я хочу привести, касается сбережений и инвестиций. Я считаю, что мы должны разумно подойти к решению вопросов о том, к какой норме сбережений на уровне общества в целом нам следует стремиться, какая доля сбережений должна направляться за границу в форме инвестиций, способна ли нынешняя организация инвестиционного рынка обеспечить эффективное распределение сбережений. Я не думаю, что эти вопросы должны быть полностью оставлены на усмотрение частного бизнеса и решаться из соображений частной выгоды, как это происходит сейчас.

Мой третий пример касается численности населения. Пришло время, когда каждая страна нуждается в продуманной политике в отношении численности населения, ее увеличения, сокращения или поддержания на том же уровне. И, определив направление этой политики, мы должны предпринять шаги по ее проведению в жизнь. Несколько позднее может прийти время, когда общество обратит внимание не только на численность своих будущих членов, но и на их природные качества.

Эти размышления направлены на возможные улучшения в функционировании современного капитализма путем коллективного действия. В предлагаемых мною мерах нет ничего, что было бы несовместимо с тем, что я считаю важнейшими чертами капиталистического хозяйства, в частности,

с опорой на инстинктивное стремление людей к богатству как на основную движущую силу, приводящую в действие экономический механизм. И мне не следует отклоняться от темы. Тем не менее в заключение было бы целесообразно напомнить о том, что наиболее острые дискуссии и наиболее глубокие расхождения во мнениях в ближайшие годы будут возникать не по поводу вопросов техники, когда обе спорящие стороны обращаются к аргументам главным образом экономического характера, а вокруг вопросов, которые, за неимением лучших определений, можно назвать психологическими или, может быть, нравственными.

В Европе или, по крайней мере, в отдельных ее частях (правда, как мне кажется, не в Соединенных Штатах Америки) наблюдается подспудное, но довольно распространенное общественное несогласие с тем, в какой мере мы укрепляем, поддерживаем и охраняем стремления индивидов к обогащению. Преимущества общественного устройства, при котором опора на корысть сведена к минимуму, по сравнению с общественным устройством, при котором она максимальна, могут не существовать *a priori*, однако черпаться из опыта. В повседневной жизни людей разных профессий мотивы обогащения играют неодинаковую, меньшую или большую, роль; историки могут рассказать нам о таких стадиях развития общественной организации, на которых эти мотивы были далеко не столь значимыми, как теперь. Большинство религиозных и философских течений не одобряло образа жизни, подчиненного соображениям личного обогащения. С другой стороны, большинство современных людей отвергает аскетизм и не сомневается в реальных преимуществах, которые дает богатство. Более того, для них само собой разумеется, что без материальной заинтересованности обойтись невозможно. За редкими исключениями, этот принцип безусловно работает. В результате рядовой человек теряет из виду существо проблемы и не отдает себе отчета в том, что он в действительности думает и чувствует по этому поводу.

Смещение мыслей и чувств приводит к путанице в словах. Многие люди, которым не по нраву капитализм как образ жизни, аргументируют свою позицию так, что капитализм не способен эффективно достигать своих собственных целей. В свою очередь, сторонники капитализма чрезмерно консервативны и возражают против реформирования его механизма, которое могло бы усилить и защитить его; они опасаются того, что эти реформы могут стать первыми шагами, которые уведут общество от капитализма. Кажется, однако, что наступает время, когда мы сможем более четко определять, о чем именно мы ведем речь: об эффективности или неэффективности функционирования капиталистического механизма или

о капитализме как таковом. Со своей стороны, я считаю, что при разумном регулировании капитализм может стать более эффективным в достижении экономических целей, чем любая другая мыслимая система, но как таковой он имеет много отгаликивающих черт. Наша задача состоит в том, чтобы выработать социальную организацию, которая обеспечивала бы максимальную эффективность и при этом не противоречила бы нашим представлениям об удовлетворительном образе жизни.

Следующий шаг вперед должен базироваться не на политической агитации и не на непродуманных экспериментах, а на мысли. Чтобы разобраться в наших чувствах, мы должны сделать умственные усилия. До сих пор наши человеческие симпатии остаются не в ладу с голосом разума, что является болезненным и парализующим состоянием ума. Реформаторы не добьются успеха до тех пор, пока они не будут следовать ясным и определенным целям, пока их умы и души не придут в согласие. В мире сейчас нет партии, которая бы, по моему мнению, двигалась к верным целям верными методами. Бедность подталкивает к изменениям как раз в тех областях, где поле для эксперимента очень мало. Процветание губит инициативу реформаторов как раз в тех случаях, когда можно было бы удачно рискнуть. Для необходимых шагов в Европе не хватает средств, в Америке - желания. Нам нужна новая убежденность, которую мы можем почерпнуть из беспристрастного анализа наших чувств и их соотнесения с реальностью.

Перевод Е.В. Виноградовой